

Селиванов В.В. Осознанное и неосознанное в продуктивном мышлении субъекта //Творчество: от биологических оснований к социокультурным феноменам //Ред. Д.В. Ушаков. – М., ИП РАН, 2012. – С. 98-115.

ОСОЗНАННОЕ И НЕОСОЗНАННОЕ В ПРОДУКТИВНОМ МЫШЛЕНИИ СУБЪЕКТА

Селиванов В.В.

Проблема взаимосвязи осознанного (сознательного) и неосознанного (бессознательного) является одной из центральных по отношению к психологии мышления и творчества. На первый взгляд это утверждение звучит парадоксально, потому что вся история психологии свидетельствует о том, что бессознательное практически ни в одной из теорий не локализовывалось учеными в зоне высших психических функций. Классическая сфера бессознательного – потребности, переживания, установки, более глубокое его содержание составляют архетипы К. Юнга, как унаследованные конгломераты Эго с коллективным бессознательным, содержащие универсальный опыт человечества относительно рождения, семьи, материнства, смерти. На самом деле, мышление, будучи самым сознательным, регулируемым, целенаправленным процессом, остается часто неосознанным, неуправляемым, загадочным и непонятным для личности.

С психологической и философской точек зрения мышление содержит в себе противоречие, которое фиксировалось в традиционной психологии и выражается в следующем. С одной стороны, мышление как «высший» познавательный процесс является наиболее социально детерминированным, сознательным и подчиняющимся целенаправленному регулированию со стороны субъекта и личности. Эта сознательность, ясность и отчетливость достигается по отношению к познаваемому объекту. Здесь человек, используя именно мыслительные процессы анализа, синтеза, обобщения, абстрагирования, наиболее адекватно представляет себе строение того, что

познает, способы познавательного действия с объектом, причину и динамику появления объекта, характер его движения и итог его функционирования. С другой стороны, мышление – это неосознаваемая, мистическая, непознанная психическая функция, что предопределяется высшей мерой концентрации на объекте познания (в чем нет «необходимости» и возможности в других познавательных процессах), стягиванием максимума сил и способностей человека к содержанию познаваемого. Указанная противоречивость мыслительной деятельности определяется тем, что, осуществляя мышление, человек реализует его по отношению к познавательному объекту. При этом процесс, ход реализации иногда «ускользает» (особенно в момент творения), остается вне основного поля внимания личности. Вся психическая «энергия», максимальная мера сознательности тратится на анализ самого объекта, способ же анализа не рефлексивируется. Хотя, конечно, уровень внутренней рефлексивности мыслительных процессов гораздо выше, чем сенсорно-перцептивных или эмоционально-чувственных: метаплан мышления качественно иной, чем в более простых процессах.

Мера неосознанного мышления наибольшая на его высших, наиболее творческих уровнях развития. Творчество – то, что охватывает личность целиком, активизирует чувственную сферу и приводит к максимальной концентрации на объекте. Совершенно естественно, что при этом творцу (субъекту) «некогда» центрироваться на процессе, самом ходе осуществления творения, он занят рассматриваемым объектом. До настоящего времени по этой же причине наблюдается мистификация процесса творчества, обожествление или биологизация одаренности и гениальности.

Проблема взаимосвязи осознанного и неосознанного является более общей по отношению к проблеме соотношения сознательного и бессознательного и включает в себя вторую. Это определяется двумя основными причинами. Первая заключается в том, что, вероятно, содержание самих терминов «осознанное - неосознанное» является более широким. Так,

осознанное включает в себя не только сознательное (как социальное, общественно детерминированное), но и другие физиологические, психические процессы, имеющие в большей мере природную, генотипическую или ситуационную обусловленность, которые подверглись осознанию. Вторая причина – это исторически сложившееся в психологии доминирующее содержание понятия «бессознательное». Благодаря прежде всего классическому психоанализу (З. Фрейд), отчасти некоторым представителям французской социологической школы (Э. Дюркгейм), бессознательное чаще относится к сфере человеческих потребностей, животных «инстинктов» субъекта, к сфере эмоционально-аффективной. Эти области психического символизируют подлинно индивидуальное в человеке, сознательное же – то, что формируется обществом, навязывается человеку (общественное, внешнее по отношению к личности), что состоит из познавательных функций, мышления, усваиваемой морали и т.д. В этом контексте содержание термина «бессознательное» гораздо уже, чем содержание неосознанного.

В большинстве теорий подчеркивается существенное различие между осознанным и неосознанным, выражающееся в различных закономерностях функционирования этих пластов психической активности. Одним из первых в философии Г. Лейбниц выделял перцепцию (как неосознанное восприятие) и апперцепцию (осознанное восприятие), способы действия которых резко отличаются друг от друга. Вероятно, наибольшей резкости и дизъюнктивности связь сознательного и бессознательного достигает в постулатах классического психоанализа. Здесь мы сталкиваемся с жестким разграничением сферы сознательного и бессознательного, вплоть до неоднократных указаний З. Фрейда об их противоположности. Достаточно вспомнить, что основным противоречием человеческой души является конфликт между «Супер-Эго» (нормами морали, нравственности, которые усваивает личность) и «Ид» (бессознательными инстинктами и вытесненным, неприемлемым «сверх-Я» (т.е. противоречащим ему) содержанием

психического). Законы бессознательного практически антагонистичны и обратны законам сознания, например, вытесненное в бессознательное не теряет своей энергии в течение времени, не стирается, не забывается, а, напротив, усиливает собственное давление на сознание. Сознательное и бессознательное в данном случае не выступают в качестве компонентов диалектического противоречия (каждый элемент которого содержит в снятом виде себе противоположный), а «оппозиционируются» друг с другом формально. При этом сознательное отождествляется с общественным, социальным («Супер-Эго»), а бессознательное - с индивидуальным, глубоко личностным («Ид»). Данное противопоставление социального и индивидуального, по мнению С.Л. Рубинштейна, было свойственно многим теориям, в частности, представителям французской социологической школы (Ш. Блондель, Э. Дюркгейм и др.). В этом случае «...либо психика индивидуума отождествляется с общественным сознанием, с идеологией, либо она элиминируется из сознания в область бес- и подсознательного, или, точнее, сознание индивидуума сводится к общественному сознанию...» (Рубинштейн С.Л., 1997; 412). Сознание личности - это социализированная психика. Социализация психического - это устранение или «обуздание» индивидуальных, «натуральных» компонентов психики (например, инстинктов в «Ид»). Сознательное здесь выступает в качестве противоестественного «подлинной» природе человека, его индивидуальному. До настоящего времени в психологии часто встречается постановка и решение проблемы «сознательного – бессознательного» в психике в плане соотношения «общественного – индивидуального», что является, мягко говоря, недостаточно корректным с методологической точки зрения. В настоящей работе мы попытались (насколько возможно) преодолеть смешение проблем «бессознательного - сознательного» и «аффекта – интеллекта», «индивидуального – общественного», столь свойственное психологии начала и середины 20 века. Хотя, конечно, эти три в целом разные проблемы (выражающиеся в соотношении различных парных

категорий) тесно взаимосвязаны, а указанные понятия взаимопроникают содержанием друг в друга.

Видимо, наиболее концентрированного выражения противопоставление сознательного и бессознательного достигает в теории К.Г. Юнга, где тень (как бессознательное) по содержанию является прямой противоположностью сознания. К сожалению, проблема взаимосвязи сознательного и бессознательного в мышлении в рамках психоанализа практически не ставится. Мышление в психоанализе принадлежит только сфере сознания (входит в «Эго»). Мышление кроме обеспечения принципа реальности является барьером на пути реализации бессознательных интенций личности и, как правило, только усиливает напряжение и невротизацию личности через рационализацию или «умничание».

Таким образом, часто в традиционной психологической парадигме внутри психологии мышления невозможно поставить вопрос о взаимосвязи сознательного и бессознательного. Мышление уже изначально является процессом только сознательным. Здесь проблема «сознательного – бессознательного» в мышлении, скорее, ставится как соотношение мышления и бессознательного (инстинктов, вытесненных переживаний).

В концепциях же научного и художественного творчества соотношение сознательного и бессознательного активно обсуждается и выступает важным содержательным пластом при описании творческой деятельности субъекта. Мышление здесь рассматривается в качестве заранее заданного процесса, сводимого к логическому выводу суждений. Творение – нечто иное по сравнению с мышлением, здесь человек не только функционирует в режиме когнитивных схем и установок (оперируя ими сообразно законам логики), для творчества необходимо что-то загадочное и непонятное, будь то интуиция или бессознательное. Позиция противопоставления сознательного и бессознательного в теориях творчества является достаточно распространенной и до сегодняшнего дня. Сознательное и бессознательное рассматриваются в качестве взаимоисключающих, параллельных,

«дизъюнктивных» (в терминологии А.В. Брушлинского) пластов функционирования в мыслительной деятельности субъекта. К этой парадигме относятся различные теории инсайта как важнейшего феномена и механизма осуществления научного открытия (Г. Гельмгольц, Ж. Пуанкаре и др.). Факт инсайта (внезапного мысленного озарения), подтвержденный в многочисленных экспериментах и в личных наблюдениях ученых, свидетельствует о жестком, дизъюнктивном делении мыслительного процесса на три последовательные фазы: сознательного поиска решения задачи (1); инсайта как интуитивного, внезапного решения (2); осознания решения и его формализации (3). Эти три фазы четко отделены друг от друга во времени, решающую роль в мышлении играет вторая фаза, фаза бессознательного поиска, инкубации идеи и мгновенного отыскания решения задачи. Вероятно, факты существования «инсайта» являются бесспорными, практически каждый ученый убеждался в правоте данных феноменов и испытывал их на собственном опыте, когда после «отдыха» в решении определенной проблемы, возвращаясь к ней, внезапно и быстро наступает момент нового видения проблемы, открытия из ничего принципиально значимых свойств в компонентах задачи, связывающихся между собой в единую последовательность, ведущую к верному решению. Однако, на наш взгляд, вызывает сомнение традиционная трактовка инсайта как умственного озарения. Получается, что бессознательная работа мысли субъекта по решению проблемы осуществляется постоянно, поэтому занимает гораздо больше времени, отнимает больше сил, энергии и в итоге играет основную роль в продуцировании открытия, в нахождении нестандартного решения. А осознание этого решения, его вербализация – это всего лишь автоматическая «доводка» всей той гигантской работы бессознательного до операционного уровня, который можно зафиксировать и представить на суд общественности. В наших экспериментах, осуществленных на основе решения испытуемыми малых творческих задач основную роль в нахождении оригинального ответа все же играли когнитивные процессы,

осознанный уровень мышления, но, конечно, в сочетании с неосознанными мыслительными компонентами.

В одной из самых развернутых теорий психологии творчества, теории Я.А. Пономарева делается попытка сближения сознательного и бессознательного. Здесь творчество непременно обеспечивается разворачивающимся мышлением, становящимся или функционирующим применительно к той или иной задаче внутренним планом действия. Более того, этапы становления внутреннего плана действия в онтогенезе трансформируются в уровни структуры центрального звена творчества, а последние – в ступени функционирования мышления при решении субъектом конкретных творческих задач. По Я.А. Пономареву, структура творческого процесса содержит в себе фазы, а, следовательно, и уровни функционирования мышления. Современные исследования подтверждают зависимость высших психологических образований (в том числе интеллекта), играющих решающую роль в творчестве, от процессов их формирования (Ушаков Д.В., 2003; 222). Я.А. Пономарев определил в связи с этими положениями первый (основной) критерий творчества – наличие изменения доминирования уровней от логического до интуитивного (Пономарев Я.А., 1988; 13-14). Если человек может решить задачу только с помощью планомерного, сознательно контролируемого процесса мысли, то это задача первого класса сложности (хотя она может быть творческой), и подлинно творчества здесь еще нет. Акт творения требует задействованности всего мышления, всех его уровней (от логического до интуитивного), включения в этот процесс многих сторон психологической организации субъекта.

В рассматриваемой теории творчество невозможно без интуиции, вне работы бессознательного. Крайне значимым представляется та недизъюнктивная интерпретация соотношения сознательного и бессознательного, которая была предпринята Я.А. Пономаревым. Логический уровень решения (куда входит сознательное, регулируемое и проч.) функционирует в связи с интуитивным (в него включено бессознательное,

нецеленаправленное и проч.). Однако, по Я.А. Пономареву, логика и интуиция субъекта находятся в реципрокных отношениях: функционирование на логическом уровне приводит к торможению функционирования на интуитивном; логические механизмы мышления оперируют с прямыми продуктами, интуитивные механизмы – с побочными продуктами (теми, которые возникают помимо сознательной цели) (Пономарев Я.А., 1976; Ушаков Д.В., 2006).

Я.А. Пономарев не только включил бессознательное в теоретическую трактовку творчества, но одним из первых начал экспериментальное исследование бессознательного (интуитивной фазы) в рамках классической научной (не психотерапевтической) схемы эксперимента. Это выразилось в известных фундаментальных фактах обнаружения прямого и побочного продукта в результате действия. Прямой продукт – тот, который возникает в соответствии с поставленной целью и осознается личностью, побочный – получающийся помимо сознательной цели и неосознаваемый. Именно наличие побочного продукта обеспечивает возможность творчества, продуцирования чего-то нового, того, что не было запланировано. Отсюда – второй важнейший критерий творчества – рассогласование цели и результата деятельности субъекта. Данное положение является еще одним существенным моментом развития традиционной деятельностной парадигмы в психологии, где для творчества по существу нет места: все заранее предопределено и задано целью, которую личность ставит перед собой и достигает в ходе осуществления действий. Побочный продукт – то новое, чего изначально не было в деятельности, тот пункт, который разрывает изначально плановую, рутинную канву познавательной активности и обеспечивает зону творчества, неожиданного, оригинального, выходящего за границы планового логического хода мысли; обеспечивает, в конечном итоге, зону нестандартного решения. В экспериментах Пономарева побочный продукт, содержащийся в подсказке (неосознаваемое), оказывал существенное влияние на сознательный план решения основной задачи. Сами испытуемые при этом

не осознавали характера этого воздействия. Когда их просили объяснить причину выбора именно такого решения (например, данного пути в лабиринте), то испытуемые начинали совершать гораздо больше ошибок и не могли понять, почему они выбирают именно этот способ (Ушаков Д.В., 1999; . 248-249).

В школе исследования психологии мышления С.Л. Рубинштейна представлена позиция, отражающая непрерывную взаимосвязь сознательного и бессознательного практически на всех этапах осуществления мыслительной деятельности. Фаза сознательного соотнесения субъектом условий и требований задачи уже включает в себя и бессознательные, интуитивные, нерасчлененные компоненты мышления. Фаза интуитивного решения так же характеризуется той или иной мерой осознанности компонентов задачи. Рубинштейновская трактовка взаимосвязи сознательного и бессознательного определяется иным, более «мягким», недизъюнктивным рассмотрением природы и содержания сознания и бессознательного. Сознание в этом случае необходимо включает в себя то или иное соотношение (единство) сознательного и неосознанного. Бессознательное чувство (или переживание) - это нижележащий уровень сознания, предмет и свойства которого не отрефлексированы субъектом. С.Л. Рубинштейн указывал, что «... неосознанный поступок - это не поступок, в отношении которого человек вообще не знает, что он его совершил, а поступок, не соотнесенный человеком с его последствиями...Точно так же неосознанное или бессознательное влечение - это влечение, предмет которого не осознан» (Рубинштейн С.Л., 1997; 311). Схожая интерпретация представлена и в современной психосемантике. В.Ф. Петренко пишет: «В отличие от психоанализа, в рамках психосемантического подхода бессознательное рассматривается не как самостоятельная психологическая реальность, противостоящая сознанию, а как нижележащие уровни сознания, характеризующиеся меньшей расчлененностью и рефлексивностью» (Петренко В.Ф., 1997; 8).

Существенный вклад в разработку недизъюнктивного соотношения сознательного и бессознательного в мышлении был внесен А.В. Брушлинским (Брушлинский А.В., 2006). По его мнению, определенное взаимоотношение сознательного и бессознательного существует на всех трех фазах решения творческих задач. Любое сознательное мыслительное действие содержит в своем содержании и неосознанные компоненты. А.В. Брушлинским было экспериментально получено достаточно интересное явление - немгновенный

инсайт, которое свидетельствует в пользу недизъюнктивного характера связи осознанного и неосознанного в мышлении. Немгновенный инсайт в отличие от классического инсайта выступает как достаточно постепенный процесс, длящийся 15 - 20 секунд (1); не свидетельствует о резком, внезапном изменении течения мысли (2); испытуемый далеко не уверен в правильности найденного в немгновенном инсайте решения задачи (3). На данном феномене прослеживается постепенный переход бессознательного, интуитивного в сознательное, логическое. Важным оказывается и понимание Брушлинским мышления в качестве процесса прогнозирования искомого задачи (Брушлинский А. В., 1979). Прогнозирующая природа (функция) мышления с особой силой свидетельствует об изначальной незаданности мыслительного процесса, а, следовательно, о существенном «грузе» бессознательного уже на начальных фазах сознательного, целенаправленного поиска решения.

Еще одно обстоятельство необходимо отметить уже сейчас. Это сама основная процедура, техника экспериментального исследования мышления в школе С.Л. Рубинштейна (ранее с других позиций использовавшаяся представителями гештальтпсихологии) - применение подсказок на различных стадиях мыслительного поиска. Во вспомогательной задаче (подсказке) в имплицитном, скрытом виде содержится в свернутом виде путь к решению основной. Следовательно, подсказка является интуитивным, скрытым, неосознаваемым знанием.

Проблема имплицитного и эксплицитного знания в исследовании мышления имеет большую историю. Любое экспериментальное изучение мышления через систему подсказок свидетельствует о том, что в мыслительной активности субъекта взаимодействуют имплицитные и эксплицитные знания (Н. Майер, С.Л. Рубинштейн, К.А. Абульханова-Славская и др.). Сама подсказка как форма внешней детерминации мышления содержит в себе лишь намек, опосредствованную связь с исходным противоречием основной задачи, т.е. выступает имплицитным знанием.

Использование подсказки испытуемым, по Я.А. Пономареву, выражается в неосознаваемом воздействии побочного продукта (содержащегося в подсказке) на ход решения основной задачи. Субъект при решении творческих задач вынужден функционировать в различных режимах: логическом и интуитивном (Пономарев Я.А., 1988). В некоторых современных исследованиях получены данные о различиях имплицитных знаний субъекта (которые реализуются неосознанно, интуитивно и относятся прежде всего к сфере практического действия) и эксплицитных (которые логичны, вербальны, обобщены и характеризуют сознательную познавательную активность личности). Д. Берри (D. Berry) и Д. Бродмент (D. Brodment) выделили соответственно два типа обучения: 1) имплицитное (здесь субъект не селективно ориентируется на многие переменные, отражает связи между ними в конкретной форме, без должного обобщения, интуитивно, в плане практического действия с объектом); 2) эксплицитное (где человек избирательно отражает ограниченное число переменных, фиксируя связи между ними вербально, в обобщенном виде) (см. подробнее анализ Д.В. Ушакова (Ушаков Д.В., 1999).

На наш взгляд, четкие различия между имплицитным и эксплицитным выявляются только в крайне искусственных ситуациях специально созданных лабораторных задач (вероятно, невозможно существование чисто имплицитного обучения вне эксплицитного, как и наоборот). При обычном

решении задачи имплицитное и эксплицитное всегда взаимосвязаны и на каждой стадии мыслительного поиска сосуществуют и взаимодействуют. Необходимо учитывать то, что действие имплицитного знания (подсказки) – это не прямая проекция в сознание или бессознательное субъекта. Данное действие опосредствовано ходом и характером мыслительной работы, которую осуществил на момент предъявления подсказки испытуемый (С.Л. Рубинштейн). Подсказка начинает воздействовать на решение задачи (и на имплицитном, и на эксплицитном уровне) только тогда, когда соответствующим образом проанализированы условия и требования задачи, т.е. в зависимости от процесса мышления. Следовательно, влияние имплицитного знания, сам ход имплицитного обучения опосредствован мыслительным процессом субъекта. Поэтому, как это ни парадоксально, подсказка нужна не слабому ученику (он все равно ей не воспользуется), а сильному, уже достаточно проанализировавшему условия и требования задачи.

Итак, как показывает даже столь беглый анализ некоторых психологических теорий, соотношение осознанного и неосознанного – проблема не только взаимосвязи **между уровнями психического отражения** (например, между высшими и низшими познавательными функциями, между мышлением и потребностями и т.д.), но и проблема **внутриуровневая**: в каждом познавательном процессе (на каждом уровне психического отражения) проявляется определенное соотношение осознанного и неосознанного. *Когда мы рассматриваем мышление субъекта с позиции соотношения осознанного и неосознанного, то во взаимосвязи указанных планов мыслительной активности проявляются как внутриуровневые, так и межуровневые связи*, что и предопределяет сложность данной проблемы.

Говоря о соотношении осознанного и неосознанного сознательного и бессознательного внутри мышления, в том числе, мышления креативного, обеспечивающего решение творческих задач, мы должны определить прежде

всего те компоненты, которые относятся к сфере неосознанного. Сознательный план мыслительной активности изучен достаточно полно и представлен знаниями, информацией, заключенной в словесных значениях, смыслами компонентов проблемной ситуации, содержанием образов (подвергающихся обработке), способами оперирования с познаваемым объектом и объектом действия, видами обобщений, уровнем прогнозов искомого и т.д.

Неосознанное, бессознательное в современной психологии содержательно представлено четырьмя основным составляющими. В рамках ортодоксального психоанализа выделены предсознательное и бессознательное; коллективное бессознательное – в юнгенианстве; «сверхсознание» - в некоторых теориях творчества.

1. Предсознательное (подсознательное, скрытое бессознательное) – это поверхностный слой бессознательного, находящийся на границе сознания и неосознанного, это представления, способные спонтанно (через припоминание или словесное формулирование) перейти в сознание. К подсознательным явлениям относятся и различные виды психологических защит (особые психологические функциональные механизмы, ограждающие «Эго» от перенапряжения), такие как сублимация, реактивное обучение, проекция и т.д.

2. Бессознательное – глубинный слой психики человека, состоящий из двух инстинктов (либидо и агрессии), а также из вытесненного содержания сознания, которое через механизм «цензуры» переместилось в бессознательное.

3. Коллективное бессознательное – самый глубокий слой бессознательного, содержание которого составляют общечеловеческие первообразы – архетипы (унаследованные умственные структуры или образцы, обнаруживаемые только через их проявления в поведении и связанные с древним и универсальными опытом человечества, - рождения, брака, материнства и смерти). Коллективное бессознательное имеет

мифологическое содержание, доставшееся нам от древних предков. Применительно к компонентам коллективного бессознательного К. Юнг использует термин «психоид» (psychoid), означающий, что такого рода психологические явления не могут быть непосредственно восприняты или представлены сознанию, поскольку по природе своей нерепрезентативны. В архетипах сосредоточен опыт всего человечества, отраженный в мифологии и выступающий в виде мифологических мотивов поведения.

4. Явления «сверхсознания» (П.М. Ершов, П.В. Симонов, М.Г. Ярошевский,) – это нечто большее, чем сфера собственно сознания, это принципиально новая информация, непосредственно не вытекающая из ранее накопленных впечатлений субъекта. Как указывают П.В. Симонов, П.М. Ершов, к сфере сверхсознания «...относятся первоначальные этапы всякого творчества - порождение гипотез, догадок, творческих озарений» (Симонов П.В., Ершов П.М., 1984; 73). Процессы сверхсознания не осознаются «ни при каких условиях»: сознанию презентуются только результаты этой деятельности. Неосознанность творческой интуиции есть защита от преждевременного вмешательства сознания (логического мышления) в акт творения, от чрезмерного давления ранее накопленного опыта субъекта на процесс креативного решения. Наличие интуиции, бессознательного в этом случае выступает основным необходимым условием творческой, продуктивной мыслительной деятельности.

Необходимо отметить, что в отечественной психологии накоплен достаточный опыт эмпирического изучения сознательного и неосознанного в мыслительной и творческой деятельности субъекта. Здесь выделены следующие основные содержательные компоненты бессознательного в мышлении, которые, скорее, символизируют внутриуровневые связи в соотношении осознанного и неосознанного в познании субъекта. Это **подсказки** (неосознанное), влияющие на мыслительный поиск (представители гештальтпсихологии, прежде всего Р. Майерс, а также разработчики теории мышления как процесса, - С.Л. Рубинштейн, А.В.

Брушлинский); **мыслительные процессы** (анализ, синтез, обобщение, анализ через синтез), приводящие к решению задачи, но сами не осознаваемые личностью в отличие от мыслительных действий, операций, которые рефлексированы в большей мере (А.В. Брушлинский); **побочные продукты** – неосознанная детерминанта в решении творческих задач (Я.А. Пономарев); **интуиция, предвосхищающие эмоции**, фиксирующие до логического решения правильный ответ («смысловая теория мышления» О.К. Тихомирова, И.А. Васильева); **установки** в вербальном мышлении, задающие особенности процесса мышления и определяющие некоторые компоненты результата мыслительной активности (Д.Н. Узнадзе, Н.А. Элиава).

В нашем исследовании мы в большей мере в качестве неосознанного плана мышления рассматривали собственно компоненты познавательной активности (мышление как процесс, установки, побочные продукты, предвосхищающие эмоции и др.). Это обусловлено и тем, что мыслительные составляющие выступают способом представления (на понятийном, символическом уровне и др.), генерализованной формой отражения (выражения) эмоционально-потребностной сферы психического, где концентрировано представлены классически выделяемые элементы бессознательного – подсознание, индивидуальное и коллективное бессознательное.

Если придерживаться традиционных взглядов на дисъюнктивное противопоставление сознательного и бессознательного в мышлении человека при решении задач, то эти сферы будут выступать для психолога в качестве изолированных друг от друга компонентов, функционирующих по принципиально различным закономерностям. Взаимосвязи и взаимовлияния между сознательным и бессознательным быть не должно. Нам более близка позиция А.В. Брушлинского о тесной связи, единстве осознанного и неосознанного на всех этапах мыслительной деятельности. В диссертационной работе Н.Н. Плетеневской, выполненной под нашим

руководством, осуществлена попытка проследить существование связи между сознательным и бессознательным в мышлении испытуемых на различных этапах решения ими малых творческих задач.

Первая часть исследований была посвящена установлению характера воздействия сознательного хода решения задачи на бессознательные установки испытуемого. Оказалось, что изменение сознательного плана мышления (в исследовании использовалась известная задача А.В. Брушлинского: «Будет ли гореть свеча в условиях невесомости?») практически всегда приводит и к иной картине в системе бессознательного оценивания субъектом условий и требований предъявляемой задачи. Для фиксации характера бессознательного оценивания компонентов задания Н.Н. Плетеневская использовала достаточно надежные методы психосемантики (Петренко В.Ф., 2005). На разных этапах мышления как процесса испытуемым несколько раз предъявлялась матрица семантического дифференциала относительно основных компонентов задачи, которую они должны были заполнить. В матрицу были включены 11 различных понятий и 13 униполярных признаков. Все 11 понятий, так или иначе связанных с основной задачей, необходимо было оценить по признакам в шестибалльной шкале. В качестве элементов, по которым следовало оценить понятия, выступали следующие свойства: 1 – светлый; 2 – легкий; 3 – холодный; 4 – тусклый; 5 – мягкий; 6 – круглый; 7 – воздушный; 8 – маленький; 9 – плохой; 10 – темный; 11 – важный; 12 – хороший; 13 – ненужный.

На основе обработки матриц составлялись итоговые семантические пространства условий и требований задачи и определялся характер их изменений под влиянием осуществленной сознательной работы. На рис. 1 и 2 приведены лишь некоторые, наглядные данные об изменении бессознательных установок личности до и после вербальной подсказки. Отчетливые изменения в семантическом пространстве свидетельствуют о влиянии подсказки на ход бессознательного мыслительного поиска решения. Так, например, к связке «кислород и воздух» добавилась «невесомость», что

говорит о включении испытуемыми данного компонента задачи в ход рассуждения. От связки «пламя–горение» в стороне оказался такой элемент, как «тепло», что обозначает сомнение участников эксперимента в том, будет ли гореть свеча. Связка «свеча–фитиль» отсутствовала. «Фитиль» имеет важное значение в решении задачи, поскольку для правильного ответа на вопрос, почему свеча не будет гореть, необходимо объяснить, что воск залет фитиль. До подсказки условия задачи «фитиль, воск, невесомость» распределились как важные и недифференцированные. После предъявления вспомогательной задачи факторы, оцениваемые как неважные в решении, но дифференцированные, стали важными и недифференцированными (см. подробнее (Плетеневская Н.Н., 2006; Селиванов В.В., Плетеневская Н.Н., 2003)).

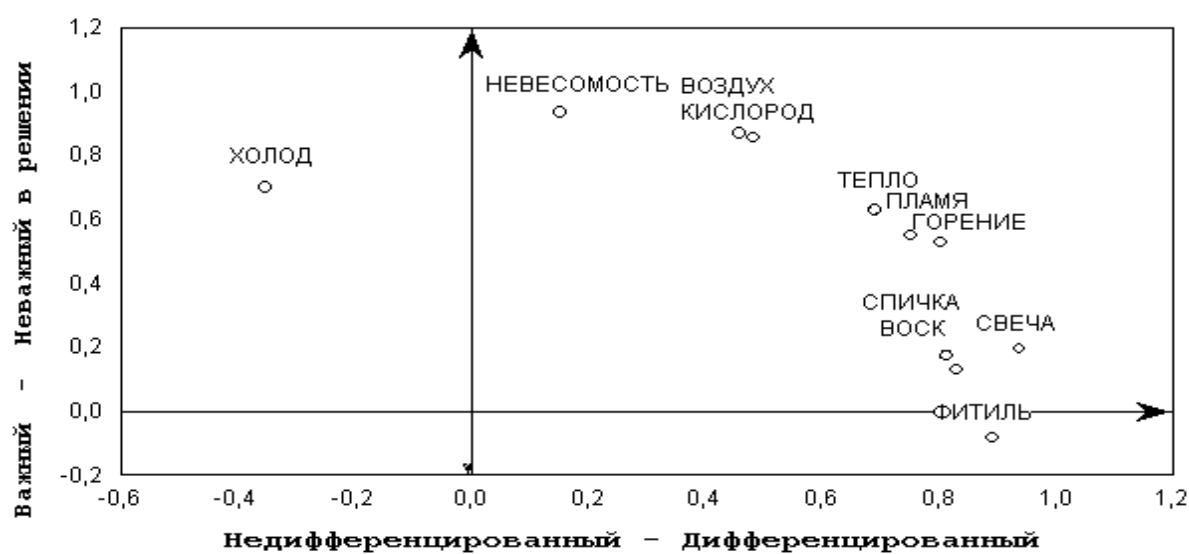

Рис. 1. Распределение компонентов и условий задачи внутри факторов до всех подсказок (метод – *principal components*, вращение – *varimax*).

В целом, на наш взгляд, приведенные результаты исследования свидетельствуют, что по мере изменения сознательного плана в решении задачи, изменяются и неосознаваемые установки испытуемых оценивать условия и требования задачи, а также ее основные компоненты. Это говорит

о тесном взаимодействии между осознанным и неосознанным уровнем мышления по ходу решения задачи, о влиянии сознательных мыслительных процессов и действий на неосознаваемые составляющие познавательной активности.

Во второй части экспериментальной работы устанавливалось, будет ли изменение бессознательного в мышлении (введение новых неосознаваемых личностью компонентов) воздействовать на сознательный поиск ответа. В данном случае в ход мышления включался новый компонент – «субсенсорная» подсказка и регистрировались возможные изменения

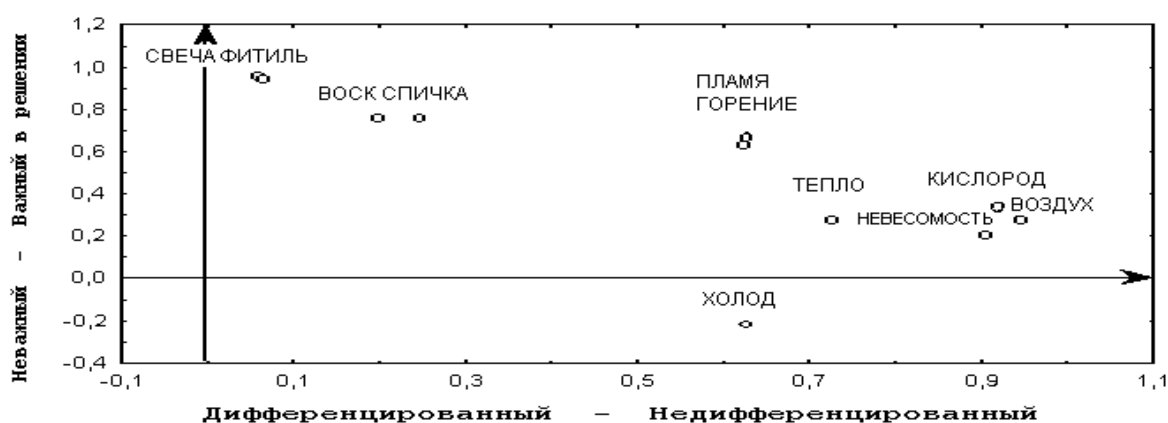

Рис. 2. Распределение компонентов и условий задачи внутри факторов после вербальной подсказки (метод – principal components, вращение – varimax).

процессов мышления испытуемых. В ходе решения основной задачи им предъявлялся зрительный образ – горящая свеча со стрелками, символизирующими процесс конвекции, и надпись «циркуляция», вмонтированная в различные фильмы, например «Матрица». «Гладиатор». Для этого была создана специальная компьютерная программа. Предъявление фильмов и подсказок отличается от обычного принципа «лентопротяжного механизма» в кинотеатрах, но характеризуется высокой быстротой показа вспомогательного компонента (подсказки) (время ее экспозиции примерно 52 мс). В результате Н.Н. Плетневской были

получены, на наш взгляд, интересные данные. Возвращение испытуемых (после просмотра фильма с такой подсказкой) к решению основной задачи приводило к тому, что они гораздо чаще давали правильный ответ, однако объяснить, почему свеча не будет гореть в условиях невесомости, не могли. Участники эксперимента не были также окончательно уверены в правильности данного решения. Например, после вербальной подсказки изменили свой ответ без аргументации, неожиданно, в ходе немгновенного инсайта всего 10% испытуемых, а в случае с «субсенсорной» подсказкой – 46.5% (в контрольной группе – только 1%). В этих экспериментах, по нашему мнению, автору удалось целенаправленно воспроизвести и отчасти регулировать явление «немгновенного» инсайта (открытое А.В. Брушлинским). Вероятно, впервые в психологии рассматривалось влияние быстрой экспозиции стимула-подсказки на протекание не только восприятия, памяти, процессов узнавания (Д. Макворт, Д. Сперлинг, В.П. Зинченко и др.), но и на высший психический процесс – абстрактное, понятийное мышление. Оказалось, что бессознательная установка (заданная «субсенсорной» подсказкой) оказывает серьезное влияние на результативность мыслительного поиска испытуемых, стимулирует нахождение правильного ответа. Однако, возвращаясь к роли бессознательного в продуктивном мышлении, его влияние, хотя и осуществляется иногда прямым образом (непосредственные связи) на сознательный план, но является достаточно грубым и недифференцированным. Это доказывается тем, что практически все испытуемые не могли объяснить, логически обосновать стимулированный правильный ответ.

Таким образом, с введением новых бессознательных компонентов (с изменением бессознательного плана мышления) у испытуемых качественно менялся мыслительный процесс на осознанном уровне. Изменение бессознательного плана мышления (подсказки на «субсенсорном» уровне) приводило к недифференцированному воздействию на сознательный план мышления: субъект не понимал причины принятого решения, способ связи

между условиями и требованиями задачи, однако предлагал правильное ее решение. Введение новых компонентов в бессознательный план мышления часто оказывает прямое воздействие на сознательный план мыслительного процесса, которое актуализирует интуитивное итоговое обобщение конечного результата задачи, при этом прогнозы искомого осознаются субъектом неотчетливо. Очевидно, что взаимовлияние сознательного и бессознательного в мыслительной активности протекает через механизм взаимообогащения между ними: бессознательные компоненты являются условиями продуцирования нового в сознательном решении, а осознанный план задает направление к быстрому решению благодаря стимулированию интуитивного пласта мышления. Непрерывное взаимодействие сознательных и бессознательных компонентов мышления наиболее рельефно проявляется на процессуальном уровне функционирования мышления, который и обеспечивает непрерывную связь осознанного и неосознанного при решении задач.

Вероятно, данные эксперименты свидетельствуют в пользу существования прямых, непосредственных связей между сознательным и бессознательным в мышлении: одно влияет на другое, с изменением одного плана изменяется и другой. Механизмы, обеспечивающие данное влияние пока недостаточно понятны и часто парадоксальны, как справедливо указывает В.М. Аллахвердов (Аллахвердов В.М., 2006; 365-370).

На наш взгляд, важное значение в осуществлении решения творческих задач принадлежит процессуальному уровню мышления (в понимании А.В. Брушлинского) в отличие от операционального. Сознательный, целенаправленный анализ через синтез, вероятно, играет решающую роль в отыскании нестандартного решения задачи. При его осуществлении происходит непрерывное взаимодействие с неосознаваемыми компонентами, которые частично осознаются и переходят на сознательный уровень, частично стимулируют новое движение когниций, частично присоединяются к логическим конструктам, «утяжеляя» их, сообщая новые вектора действия.

На наш взгляд важнейшая роль логического анализа, синтеза, обобщения (т.е. сознательного в мышлении) демонстрируют и некоторые результаты следующего исследования. Недавно нами проведено изучение соотношения образных, смысловых и когнитивных компонентов мышления по ходу решения испытуемыми задач на основе использования достаточно современной модификации шлемов ВР (виртуальной реальности), разработанной американскими учеными. Данная модель создана для широкого потребителя, но, на наш взгляд, имеет ряд преимуществ (рис. 3). Шлем Z 800 3D Visor (800x600; OLED; head-tracking) работает с любой программой (как второй монитор) при соблюдении несложных требований к характеристикам компьютера, но только специальные программные объекты (сформированные в пакетах 3-D, Maya и др.) приобретают сложное трехмерное изображение, более того, Z 800 автоматически определяет 3D стерео - видео. Доступно и использование поворота головы (head tracker) в том числе и в качестве аналога мышки.

Рис. 3. Шлем Z 800 (внешний вид).

Испытуемым предлагалась задача «Четыре цепочки», которая относится к творческим, используемым для изучения латерального мышления (психологическое содержание ее разработано нами совместно с Ю.А. Ермишиной). (У Греты четыре короткие цепочки, по три звена в каждой. Она хочет сделать из них одну длинную замкнутую цепочку из двенадцати звеньев. Ювелир берет по три цента за то, чтобы расковать одно звено, и по два — чтобы снова замкнуть. Грета прикидывает, как бы ей

уложиться в общую сумму в пятнадцать центов. Какой план работы она предлагает ювелиру?).

На первом этапе респонденты должны были решать задачу в уме, во внутреннем плане, обращение к рисункам, записям и проч. запрещалось. При изучении процесса мышления использовался метод микросемантического анализа протоколов исследования (А.В. Брушлинский, 2006), все рассуждения субъектов записывались на диктофон. Испытуемым по ходу мышления предлагалась зрительная сенсорная подсказка, где через шлем ВР проецировалось изображение четырех участков цепочки по разному расположенных, которые могли вращаться в различных вариантах в виртуальной среде (рис. 4).

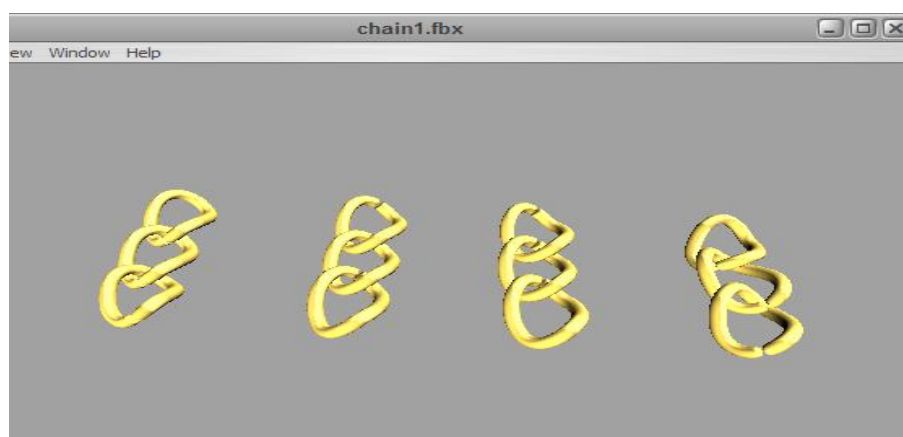

Рис. 4. Подсказка, выполненная в программе Maya, к задаче «Четыре цепочки».

Мы не будем в данной статье обсуждать все полученные результаты, отметим лишь одно направление в мышлении испытуемых, которое выступило достаточно рельефно. Оказалось, что трехмерное изображение компонентов задачи влияет на характер осуществляемого мыслительного процесса. У испытуемых после предъявления подсказки значительно расширялась зона поиска решения, возникали новые нестандартные мысли о возможных связях условий и требований задачи. Короче говоря, мы наблюдали резкое возрастание коллотералей в мышлении. В традиционных исследованиях мышления наличие ответвлений (коллотералей) в

мыслительном поиске автоматически связывается с креативностью, нестандартностью и должно привести к правильному решению задачи. До начала эксперимента, даже мы сами были уверены в том, что предъявление трехмерной подсказки в виртуальной среде, которую можно вращать различными способами и т.д. приведет к быстрому нахождению решения у участников опытов. Решение задачи состоит в том, чтобы расковать одно из звеньев цепочки полностью, на три изолированных кольца, а потом ими осуществить соединение трех оставшихся звеньев цепочки, нахождению этого плана действия особенно способствует расположение звеньев цепочки в подсказке на рисунке.

Тем не менее, в наших исследованиях такой прямой связи обнаружено не было. Выявлена целая группа испытуемых, которые, несмотря на стимулирующее позитивное влияние подсказки на «ответвления» их мыслительных процессов, не находили правильного ответа. У них возникающая многовариантность при решении, многочисленные ответвления мысли не способствовали, а препятствовали, мешали нахождению правильного (нестандартного) решения. Как правило, мышление таких испытуемых находилось еще на начальных стадиях ненаправленного анализа через синтез (С.Л. Рубинштейн), степень теоретической проработки условий, требований задачи, прогнозов о возможном их соотношении, обобщений содержания компонентов задачи были низкими. Причем это выступало в качестве отчетливой закономерности практически во всех протоколах для данной группы испытуемых. Короче говоря, мышление как процесс, т.е. налично данный уровень осуществления анализа, обобщения, анализа через синтез и др. условий и требований задачи у субъекта является необходимым когнитивным, сознательным компонентом для нахождения нестандартного решения. Именно уровень первоначально (до подсказки) осуществленного сознательного анализа соотношения условий и требований задачи предопределял характер влияния подсказки (неосознанного в отношении компонентов условия задачи) на дальнейший логический поиск ответа.

Следовательно, бессознательное не само по себе, но лишь в соотношении с сознательным уровнем мышления, лишь основываясь на нем, детерминирует последующую познавательную активность субъекта. Если наблюдался высокий уровень мыслительного процесса, то подсказка в виртуальной среде практически сразу приводила к адекватному решению. При низком уровне аналитико-синтетической деятельности испытуемые могли до одного часа и более оперировать с цепочками, так и не найдя решения.

В целом приведенные результаты исследований, по нашему мнению, показывают перспективность процессуального подхода к рассмотрению продуктивного мышления, который позволяет зафиксировать единство, непрерывно осуществляющуюся взаимосвязь и взаимовлияние осознанного и неосознанного на различных этапах познавательной деятельности субъекта. Данные два плана, совместно функционируя, изменяются под влиянием друг друга, взаимообогащаются и, в конечном итоге, обеспечивают нахождение субъектом креативного решения задачи. Вероятно, доминирующим в данном процессе является логический, сознательный анализ условий и требований задачи (проблемы). На наш взгляд, традиционное, жесткое, формальное противопоставление сознательного и бессознательного планов в мышлении неперспективно. При этом бессознательное дизъюнктивно отделено от сознательного как фазы познавательной деятельности, они обладают прямо противоположными компонентами и закономерностями как структурные образования психического и др. Такая интерпретация их соотношения в итоге нарушает единство и преемственность психологической организации человека.

Основная линия границы, основной раздел между осознанным и неосознанным, сознательным и бессознательным в психике заключается в степени представленности объекта в психическом явлении, в уровне осознания объекта субъектом (чем отчетливее объект, тем ближе мы к сознательному). Однако психическое не существует вне познаваемого объекта (даже бессознательное), иначе это уже не психическое. Если

психолог начинает противопоставлять некоторую психологическую активность самой по себе, ее способ осуществления (которые не доступны нашему сознанию) и ее содержание - предмет, объект (которые понимаются и осознаются), то происходит абсолютизация роли и значения бессознательного в жизни личности и субъекта. Получается, что наша психическая активность есть сплошь бессознательное (мы не осознаем, как мы видим; не понимаем, как мыслим; как переводим наши мысли и чувства в речь и проч.), а сознание – это лишь маленький «лучик света» (верхушка айсберга), который с разрешения бессознательного освещает наш жизненный путь. Но, видимо, психическая активность человека не может существовать в качестве чистого, имманентного, не направленного ни на какой объект состояния (признание этого ведет к субъективизму, позднее – к субъективному идеализму и солипсизму; это не ругательство или ярлык, просто это уже было в интроспекционизме и др.; просто это скучно, - читать огромные тома о собственных внутренних переживаниях психологов; просто это адекватно не отражает то, что на самом деле происходит в душе и не имеет никакого прикладного смысла). Рождаясь, человек, его органы уже изначально обладают определенной энергией, интенцией, «жизненной силой». Даже эти биологические и физиологические по существу своему образования (энергия и др.) имплицитно, в нерасчлененной форме содержат в себе «предполагаемый» объект (но могут быть направлены на совершенно иной объект, который им не предназначался природой органа, например, на объект, созданный в культуре). Энергия как физиологическое (сила реакции, имманентная активность, интенция и др.) может существовать вне объекта (предмета). Психическое же лишь основывается на энергии (на физиологии), но по природе своей оно информационно (кодирование), культурно, поэтому психическое возникает в ответ на объект (социальный, «означенный», словесно оформленный другими людьми...), на его воздействие на органы чувств и без объекта не существует. Это не значит, что объект познания и переживания не может быть недифференцированным; может, тогда

психическое – это обобщенное, «абстрактное» переживание неопределенного (в большей мере неосознанное). До недифференцированного объекта психическое – это энергетический поток, ищущий воплощения; это ничего, формирующееся во что-то; это физиология, способная стать психикой. Поэтому когда говорят о том, что субъект может осознавать познаваемый объект, его строение, функционирование, способы действия с ним, связи с другими объектами, но при этом человек не понимает (не осознает) как он это все осознает (и это составляет его бессознательное), то данные утверждения выглядят странно. Содержание психического и заключается в том, что и как отражается и больше ни в чем (в этом отношении). В данном процессе что-то осознается (осознанное), что-то нет (неосознанное). Остальные вопросы о якобы бессознательном течении наших психологических процессов и переживаний, по-видимому, относятся к физиологам (что происходит на сетчатке глаза, когда я формирую образ; что происходит в нейросетях мозга, когда я думаю и т.д.). Способы психологического оперирования с познаваемым объектом – это аналоги действий с материальными предметами, поэтому, когда я понимаю мысленный предмет (предмет мысли), я понимаю и его реальное воплощение. Психологическое отражение и оперирование во внутреннем плане основывается на физиологической активности мозга и нервной системы. Данные положения приводят нас мысли о том, что, скорее всего, как сознательной психической активности не существует вне объекта (психическое – процесс, непрерывное взаимодействие субъекта с объектом), так и бессознательного психического не может быть вне объекта (в нем объект просто неотрефлексирован, нерасчленен и проч.). В ортодоксальном психоанализе бессознательное – то, что существует вне объекта. Но психическое ли это бессознательное? Скорее, биологическое. Поэтому весь ортодоксальный психоанализ и строится в рамках энергетической парадигмы психического, которая уже устарела.

На наш взгляд, более перспективным выступает подход, где сознательное и бессознательное, осознанное и неосознанное интерпретируются в качестве недизъюнктивно функционирующих, различных, но единых по своей природе психологических образований, активно влияющих на ход и исход продуктивного мышления субъекта при решении задач.

Литература.

1. *Аллахвердов В.М.* Осознание как открытие //Психология творчества: школа Я.А. Пономарева /под ред Д.В. Ушакова. – М.: Ин-т психологии РАН, 2006. – С.374.
2. *Брушлинский А.В.* Мышление и прогнозирование. — М.: Мысль, 1979. — 230 с.
3. *Брушлинский А.В.* Избранные психологические труды. - М.: Ин-т психологии РАН, 2006. – 623 с.
1. *Петренко В.Ф.* Основы психосемантики. – Смоленск: СГУ, 1997. – 400 с.
2. *Петренко В.Ф.* Основы психосемантики (2-е издание). - М.: Питер, 2005. - 480 с
3. *Плетневская Н.Н.* Соотношение сознательного и бессознательного компонентов при решении мыслительных задач: Автореф. дис.... канд. психол. наук. - М., 2006. – 22с.
4. *Пономарев Я.А.* Психология творчества. — М.: Наука, 1976. — 303 с.
5. *Пономарев Я.А.* Фазы творческого процесса (вместо введения) //Исследование проблем психологии творчества /Отв. Ред. Пономарев Я.А. – М.: Наука, 1988
6. *Рубинштейн С.Л.* Избранные философско-психологические труды. Основы онтологии, логики и психологии. — М.: Наука, 1997. — 463 с.
7. *Селиванов В.В., Плетневская Н.Н.* Психология мышления: соотношение осознанного и неосознанного. Смоленск: Универсум, 2003. – 132 с.
8. *Симонов П.В., Ершов П.М.* Темперамент, характер, личность. - М.,1984.
9. *Ушаков Д.В.* Мышление и интеллект //Современная психология /Ред. В.Н. Дружинин. – М.: Инфра-М, 1999. – С. 241-266.
10. *Ушаков Д.В.* Интеллект (структурно-динамическая теория). – М.: Институт психологии РАН, 2003. – 264с.

11. *Ушаков Д.В.* Языки психологии творчества: Яков Александрович Пономарев и его научная школа //Психология творчества: школа Я.А. Пономарева /под ред Д.В. Ушакова. – М.: Ин-т психологии РАН, 2006. – С. 19 – 142..